

Универсальная юрисдикция в механизме преследования международных преступлений

Сафаров Н.А.*

Преследование уголовно наказуемых деяний, как правило осуществляется в соответствии с принципом территориальной юрисдикции¹. Однако преимущественное применение указанного вида юрисдикционной компетенции не означает, что лица, находящиеся за пределами государства, на территории которого совершено преступление, останутся безнаказанными, поскольку территориальность уголовного закона не носит исключительного характера. Хрестоматийным примером, подтверждающим сказанное, явилось дело *Lotus (France vs. Turkey)*, рассмотренное в 1927 г. Постоянной палатой международного правосудия². Палатой по данному делу было отмечено, что, «если справедливо, что принцип территориальности в уголовном праве лежит в основе законодательства всех государств, в равной мере справедливо и то, что все либо почти все правовые системы распространяют свое действие на правонарушения, совершенные за пределами территории данной страны; это зависит и от систем, сложившихся в различных государствах... Территориальность уголовного права не является абсолютным принципом международного права и никоим образом не совпадает с территориальным суверенитетом»³. Таким образом, наряду с территориальным принципом современное международное

---

* Сафаров Низами Абдуллаевич – к.ю.н., заведующий отделом Административного и военного законодательства Аппарата Национального Собрания Азербайджанской Республики, эксперт подразделения по борьбе с терроризмом Управления ООН по наркотикам и преступности.

¹ *Langemeijer G.* “Le principe de territorialite”, in *Le Droit Penal International – Recueil d’etudes en hommage a J.M. van Bemmelen.* Leiden: E.J. Brill, 1965. P. 17-67; *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право. М.: СПАРК, 1999. С. 39-40; *Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой.* М.: Зерцало-М, 2002. С. 91; *Cassese A.* *International Criminal Law.* Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 277-280; *Shaw M.* *International Law.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 579-584.

² *Lotus (France vs. Turkey).* PCIJ. Series A. № 10.

³ *Harris D.J.* *Cases and Materials on International Law.* Sweet & Maxwell. London, 1998. P. 267-279.

уголовное право и национальное законодательство предусматривают возможность применения различных видов экстерриториальной юрисдикции. В частности, государство может осуществить уголовную юрисдикцию, если преступление совершено за пределами национальной территории одним из ее граждан (активная персональная юрисдикция или принцип гражданства), либо направлено против его интересов (протективная юрисдикция или принцип защитности), либо если в числе потерпевших находятся собственные граждане (пассивная персональная юрисдикция). Кроме того, в отношении ограниченного круга преступных деяний предусматривается возможность применения универсальной уголовной юрисдикции⁴. Как справедливо отмечается в литературе, доктрина универсальной юрисдикции представляет собой один из аспектов осуществления экстерриториальной юрисдикции, предусматриваемой в рамках национальных правовых систем⁵.

Впервые принцип универсальности был провозглашен в международном обычном праве в XVII веке в отношении преследования преступления пиратства. Лица, виновные в совершении указанного деяния, подлежали преследованию и наказанию со стороны любого государства, независимо от места совершения преступления и гражданства преступника⁶. Однако впоследствии, с ростом числа и степени опасности некоторых видов преступности, универсальная юрисдикция стала получать большее распространение в международном договорном праве и уголовном законодательстве подавляющего большинства стран. В частности, в период после второй мировой войны перечень преступлений, в отношении которых могла применяться универсальная юрисдикция, был дополнен преступлениями против человечности, геноцидом, военными преступлениями⁷.

В соответствии с универсальной уголовной юрисдикцией любая страна вправе преследовать лицо, совершившее деяние, посягающее

⁴ См. например: *Малиновский А.А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международ. отношения, 2002. С. 33-42.

⁵ *Hays Bailor A.* The Doctrine of Universal Jurisdiction: A Review of the Literature // *Criminal Law Forum*. 2000. Vol. 11. № 3. P. 354. См. также: *Lowe V.* Extraterritorial Jurisdiction. Cambridge: Grotius Publications. 1983.

⁶ См. подробнее: *Rubin A.* The Law of Piracy. Transnational Publishers, 1997.

⁷ *Randall K.* Universal Jurisdiction Under International Law // *Texas Law Review*. 1988. Vol. 66. P. 785; *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Указ. паб. С. 41; *Schabas W.* Introduction to the International Criminal Court. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 60; *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право. СПб: Юрцентр Пресс, 2003. С. 147.

на интересы, имеющие важное значение для всех государств. Ян Броунли отмечает, что значительное число государств, обычно с некоторыми ограничениями, применяют данный принцип, допускающий осуществление юрисдикции в отношении неграждан, если обстоятельства (включая характер преступления) оправдывают наказание некоторых деяний по соображениям международного публичного порядка⁸.

Как указывается в Принципе 1 Принстонских принципов универсальной юрисдикции⁹, она основывается только на природе деяния, безотносительно к месту совершения преступления, гражданству подозреваемого или обвиняемого, потерпевшего либо любой другой связи с государством, осуществляющим подобную юрисдикцию¹⁰.

Государство может опираться на универсальную юрисдикцию как на основу, позволяющую запросить экстрадицию лица, обвиняемого либо осужденного за совершение преступления по международному праву, указанному в принципе 2 (1), при том условии, что оно установило вину лица на *prima facie* основе и что дело лица, экстрадиция которого запрашивается, будет рассматриваться или оно будет наказываться в соответствии с международными нормами и стандартами по защите прав человека в контексте уголовного судопроизводства.

При осуществлении универсальной юрисдикции или опираясь на нее как на основу для экстрадиции лица, государство и его судебные органы обязаны соблюдать международные нормы надлежащего процесса, включая, но не ограничиваясь теми, которые касаются прав обвиняемых, потерпевших, справедливости судопроизводства и независимости и беспристрастности судебной власти¹¹.

Универсальная юрисдикция основывается на признании того, что имеются определенные преступления, которые негативно влияют на взаимоотношения наций либо представляют собой поведение, противоречащее интересам цивилизованных наций. Эти деяния, следовательно, являются преступлениями против всех наций, независимо от того, против кого конкретно направлены¹².

---

⁸ Броунли Я. Международное право. Книга первая. М.: Изд. «Прогресс», 1977. С. 434.

⁹ Принстонский проект универсальной юрисдикции был разработан при спонсорстве Принстонского университета (США) под руководством проф. Стефена Мачедо, возглавлявшего программы по праву Принстонского университета.

¹⁰ The Princeton Principles on Universal Jurisdiction. Princeton: New Jersey. 2001. P. 28.

¹¹ Ibid.

¹² Akehurst's Modern Introduction to International Law / By Malanczuk P. Routledge. 1997. P. 112-115; Evans M. International Law. Oxford: Oxford University Press. 2003. P. 343.

Как отмечает Мартин Диксон, универсальная юрисдикция существует независимо от того, где совершается преступление и какова национальность (гражданство) лица, его совершившего, и связана с природой деяния. Для преступлений, считающихся подсудными согласно международному праву, юрисдикцию может иметь любое государство¹³.

В отличие от других видов юрисдикции, предполагающих некоторую опосредованность (через свою территорию, на которой было совершено преступление, через гражданство и т.д.), универсальная юрисдикция основывается на всеобщности осуждения самого преступления¹⁴.

Лица, виновные в совершении международных преступлений, рассматриваются как "*hostes humani generis*" и могут быть подвергнуты аресту со стороны любого государства, независимо от их гражданства. Подобные случаи нередко встречаются в международной практике.

Так, в деле *Attorney-General of the Government of Israel vs. Adolf Eichmann*, (1961)¹⁵ необходимо было решить вопрос об установлении юрисдикции Израиля по отношению к преступлениям, совершенным обвиняемым во время второй мировой войны.

В соответствии с израильским законом 1950 г. «О нацистах и коллаборационистах (их наказании)» против Эйхмана было выдвинуто обвинение в совершении целого ряда тяжчайших преступлений, включая преступления против человечности. Причем эти деяния подлежали наказанию как совершенные на территории противника в период нацистского правления и определялись как любые из следующих действий: убийства, жестокое обращение или депортация проживающего или находящегося на оккупированной территории гражданского населения с целью использования его для принудительных работ или в других целях; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся на море; убийства заложников; разграбление общественного или частного имущества; бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не вызываемое военной необходимостью.

Процесс по делу Эйхмана характеризовал первый случай, когда страна, не участвующая во второй мировой войне, решила применить универсальную юрисдикцию для наказания лица, совершившего военные

---

¹³ *Dixon M.* International Law. 2nd ed. London. 1995. P. 76

¹⁴ См. об этом: *Bantekas I., Nash S.* International Criminal Law. London: Cavendish Publishing, 2003. P. 156-160.

¹⁵ 36 International Law Reports. 5.BB.

преступления и преступления против человечности. При этом Окружной Суд Иерусалима указал, что совершенные обвиняемым жестокие преступления не являются деяниями, караемыми только по законам Израиля. Эти «деяния... являются тяжкими преступлениями против самого закона наций ("delicta juris gentium") и, следовательно, подпадающими под действие данного принципа».

Верховным Судом Израиля было отмечено, что виновные в военных преступлениях и преступлениях против человечности являются, как и пираты, "*hostes humani generis*" (врагами рода человеческого) и вследствие этого, так же как и в случае с пиратством, для всех государств является жизненно важным пресечение их действий. Кроме того, было констатировано, что доктрина исходит из признания права государств в применении универсальной юрисдикции для преследования и наказания военных преступников¹⁶.

Таким образом, универсальная юрисдикция в определяющей степени основывается на природе преступления, нежели на гражданстве лица или месте совершения преступления.

В литературе справедливо подчеркивается важное значение принципа универсальной юрисдикции и при этом указывается, что она обеспечивает неотвратимость ответственности за преступления, серьезным образом посягающие на международный правопорядок¹⁷.

В целом наличие особо тяжких преступлений, рассматриваемых международным сообществом как посягающие на общие интересы и одинаково опасные для любого государства, независимо от места совершения деяния и личности преступника, может в ряде случаев при-

---

¹⁶См. об этом: District Court of Jerusalem. Attorney-General of the Government of Israel vs. Adolf Eichmann // Israel Law Review. Vol. 36. № 5. 1961; *Fawsett J.* The Eichman Case // British Yearbook of International Law. Vol. 38. 1962. P. 181; *Schwarzenberger I.* The Eichman Judgment // Current Legal Problems. 1962. Vol. 15. P. 248; *Harris D.J.* Cases and Materials on International Law. P. 280-285; *Rodley N.* The Treatment of Prisoners under International Law. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 102; *Sunga L.S.* The Emerging System of International Criminal Law: Development in Codification and Implementation. Kluwer Law International. 1997. P. 263-267; The law of War Crimes: National and International Approaches / Ed. by McCormack T., Simpson G. Kluwer Law International. The Hague/London/Boston, 1997. P. 110-114; *Bass G.* "The Adolf Eichmann case: Universal and National Jurisdiction", in Universal Jurisdiction: National Courts and the Prosecution of Serious Crimes Under International Law / ed. by Macedo S. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. P. 77-90.

¹⁷*Dixon M.* Op. cit. P. 77.

¹⁸См. об этом: *Bassiouni C.* Crimes against Humanity in International Criminal Law. Kluwer Law International. The Hague/London/Boston, 1999. P. 519-520.

водить к более широкому применению данного типа юрисдикции¹⁸. При этом цель универсальной юрисдикции – воспрепятствовать тому, чтобы лица, совершившие тягчайшие преступления, которые являются вызовом всему международному сообществу, нашли где-либо безопасное убежище¹⁹.

Универсальная юрисдикция как возможная база для преследования лиц, совершивших тяжкие международные преступления, предусмотрена в различных международных договорных источниках и в национальном законодательстве²⁰. Причем, как свидетельствует развитие судебной практики, наблюдающееся в некоторых странах, дело не ограничивается одним лишь установлением гипотетической возможности уголовного преследования виновного на основе универсальной юрисдикции. Целый ряд уголовных дел, рассмотренных национальными судами, свидетельствует о практическом использовании данного вида юрисдикционной компетенции, несмотря на отсутствие какой-либо связи с территорией правоприменяющей страны либо посягательством на интересы ее граждан²¹. В этой связи необходимо учесть, что большинство преступлений, на которые распространяется универсальная юрисдикция, посягают на мировой публичный порядок, вызывая нарушение императивных (*jus cogens*) норм международного права²². С другой стороны, обязательства, вытекающие из запрещения отдельных актов, в отношении которых применяется универсальная

---

¹⁹ *Pejic E. Accountability for International Crimes: From Conjecture to Reality // International Review of the Red Cross. 2002. № 845. P. 26.*

²⁰ См. подробнее: *Inazumi M. Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes Under International Law. Mortsel, 2005.*

²¹ См. об этом: *Wilson R. Prosecuting Pinochet: International Crimes in Spanish Domestic Law // Human Rights Quarterly. 1999. Vol. 21. P. 930-979; Schimmelpennick van der Oije P. A Surinam Crime Before a Dutch Court: Post-Colonial Injustice or Universal Jurisdiction // Leiden Journal of International Law. 2001. Vol. 14. № 2. P. 455-476; Schabas W. National Courts Finally Begin to Prosecute Genocide, “the Crime of Crimes” // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 1. P. 39-63; Ascensio H. Are Spanish Court Backing Down on Universality? The Supreme Tribunal’s Decision in Guatemalan Generals // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 3. P. 690-702.*

²² *R vs. Bow Street Stipendiary Magistrate and Others, ex Parte Pinochet Ugarte (No 3) [1999] 2 All ER 97. См. об этом: Fox F. The Pinochet Case № 3 // The International and Comparative Law Quarterly. 1999. Vol. 48. № 3. P. 687-702; Woodhouse D. The Pinochet Case: A Legal and Constitutional Analysis. Oxford: Hart Publishing. 2000; Roht-Arriaza N. The Pinochet Precedent and Universal Jurisdiction // New England Law Review. 2000/2001. Vol. 35. № 2. P. 311-319.*

юрисдикция, относится к категории обязательств *erga omnes*²³. Как было указано Международным судом в деле *Barcelona Traction*, «...должна быть проведена существенная разница между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами, которые возникают в отношении другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые затрагивают все государства. В силу важности вытекающих из них прав все государства могут считаться имеющими юридический интерес в их защите; обязательства о которых идет речь, представляют собой обязательства, *erga omnes*. Эти обязательства вытекают в современном международном праве, например, из запрещения актов агрессии, геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основополагающих прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации...»²⁴.

Таким образом, одним из важнейших следствий решения Международного суда по данному делу явилось придание запрещению некоторых деяний, которые преследуются на основе универсальной юрисдикции, характера обязательства *erga omnes*, в защите которого все государства могут считаться имеющими юридический интерес. Это крайне существенный момент, поскольку всеобщность осуждения отдельных преступлений предполагает, в свою очередь, определенную «универсальность» в вопросе уголовного преследования виновных.

Применительно к нормативному закреплению универсальной юрисдикции необходимо заметить, что возможность ее распространения на определенную категорию преступлений предусматривает целый ряд международных договоров²⁵, и в частности Женевские конвенции

²³ Об обязательствах *erga omnes* см. подробнее: *Annacker C. The Legal Regime of Erga Omnes obligations in International Law // Austrian Journal of Public and International Law. 1994. Vol. 46. № 2. P. 131-166; Bassiouni M.C. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes // Transnational Law and Contemporary Problems. 1996. Vol. 59. № 4. P. 63-74; Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Clarendon Press, Oxford. 1997. (Рецензия на данное издание: *Lefebvre R.*, in *Leiden Journal of International Law Vol. 11. № 3. 1998. P. 685-689*); *Czaplinski W. Concepts of Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in International Law in the Light of Recent Developments // Polish Yearbook of International Law. 1997/1998. Vol. 23. P. 87-97; Forlati S. Azioni dinanzi alla Corte internazionale di giustizia rispetto a violazioni di obblighi erga omnes // Rivista di diritto internazionale. 2001. № 1. P. 69-109; Kolb R. Théorie du jus Cogens International // Rev. Belge de Droit Internationale. 2003. Vol. 36. № 1. P. 5-55.**

²⁴ *Barcelona Traction, Light and Power Co Case (Preliminary Objection)*. ICJ Reports. 1970. P. 3; *Harris D.J. Cases and Materials on International Law*. P. 604-616.

1949 г. Согласно ст. 3, общей для всех четырех Конвенций, «Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду»²⁶. Пример универсальной юрисдикции в отношении преступления пиратства можно найти в Конвенции об открытом море 1958 г. Согласно ст. 19 указанной Конвенции, в открытом море или в любом другом месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства, любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат или судно, захваченное посредством пиратских действий и находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. Судебные учреждения того государства, которое совершило этот захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц.

Кроме того, национальное уголовное законодательство ряда государств также допускает применение универсальной уголовной юрисдикции в отношении преступлений, посягающих на интересы международного сообщества в целом.

Согласно ст. 1 германского Кодекса преступлений против международного права (*Völkerstrafgesetzbuch*), принятого 26 июня 2002 года, он применяется ко всем предусмотренным им уголовно наказуемым деяниям против международного права и в тех случаях, когда деяние было совершено за границей и не имеет отношения к территории Германии. Как указывает Стефен Вирт, всеобъемлющая универсальная юрисдикция является одной из самых прогрессивных черт Кодекса, позволяющих Германии преследовать лиц, совершающих международные преступления, независимо от их национальности, места совершения преступления либо национальности потерпевшего²⁷.

---

²⁵ См. подробнее: *Van Den Vyer. Universal Jurisdiction in International Criminal Law // South African Yearbook of International Law. 1999. Vol. 24. P. 107-132.*

²⁶ См. об этом, например: *Van Elst R. Implementing Universal Jurisdiction Over Grave Breaches of the Geneva Conventions // Leiden Journal of International Law. 2000. Vol. 13. № 4. P. 815-854.*

²⁷ *Wirth S. Germany's New International Crimes Code: Bringing a Case to Court // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 1. P. 157.* См. об этом подробнее: *Werle G.,*

Подобный тип законодательства был принят также в Бельгии. В частности, Закон о пресечении серьезных нарушений международного гуманитарного права (*"Loi relative à la répression des violations graves du droit international humanitaire"*) от 16 июня 1993 года (с изменениями от 10 февраля 1999 года и 23 апреля 2003 года) предусматривал, что судебные инстанции Бельгии вправе рассматривать дела о совершении преступлений, подпадающих под действие настоящего закона, независимо от места их совершения²⁸. Однако в связи с принятием Закона от 5 августа 2003 года вышеназванный правовой акт утратил силу, и все вопросы, связанные с применением универсальной юрисдикции в отношении таких деяний, как геноцид, военные преступления, преступления против человечности, были перенесены в сферу действия Уголовного кодекса Бельгии²⁹.

Уголовное законодательство Азербайджанской Республики, Беларуси, Испании, Китая и целого ряда других стран рассматривает универсальную юрисдикцию как возможную основу для уголовного преследования некоторых преступлений независимо от места их совершения³⁰.

Jessberger F. International Criminal Justice is Coming Home: The New German Code of Crimes Against International Law // *Criminal Law Forum*. 2002. Vol. 1. P. 191-223; *Satzger H.* German Criminal Law and Rome Statute – A Critical Analysis of New German Code of Crimes Against International Law // *International Criminal Law Review*. 2002. Vol. 1. № 2. P. 261-282; *Rissing van Saan R.* The German Federal Supreme Court and Prosecution of International Crimes Committed in the Former Yugoslavia // *Journal of International Criminal Justice*. 2005. Vol. 2005. P. 381-399.

²⁸ См.: *Vandermeersch D.* La Répression en Droit Belge des Crimes de Droit International / Répression Nationale de Violations du Droit Internationale Humanitaire. Reunion d'Experts. Geneva, 1997. P. 145-184; *Reydams L.* Universal Criminal Jurisdiction: The Belgian State Affairs // *Criminal Law Forum*. 2000. Vol. 11. № 2. P. 183-216; *Ongena T.* Universal Jurisdiction for International Core Crimes Resent Developments in Belgium // *Leiden Journal of International Law*. 2002. Vol. 15. № 3. P. 687-701; *Walley L.* Universal Jurisdiction: Lessons from the Belgian Experience // *Yearbook of International Humanitarian Law*. 2002. Vol. 5. P. 394-406.

²⁹ *Reydams L.* Belgium Reneges on Universality: The 5 August 2003 Act on Grave Breaches on International Humanitarian Law // *Journal of International Criminal Justice*. 2003. Vol. 1. № 3. P. 679-689.

³⁰ См. подробнее: *Sanchez Legido A.* Spanish Practice in the Area of Universal Jurisdiction // *Spanish Yearbook of International Law*. 2001-2002. Vol. 8. P. 17-52; *Ascenio H.* Are Spanish Courts Backing Down on Universality? The Supreme Tribunal's Decision in Guatemalan Generals // *Journal of International Criminal Justice*. 2003. Vol. 1. № 3. P. 690-702; *Zhu Lijiang.* The Chinese Universal Jurisdiction Clause: How Far Can it Go? // *Netherlands International Law Review*. 2005. Vol. 52. № 1. P. 85-107.

Например, в соответствии со ст. 6 УК Республики Беларусь, независимо от уголовного права места совершения преступления, он применяется в отношении таких преступлений, как геноцид, преступления против безопасности человечества, нарушение законов и обычаев войны, преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов и т.д.

УК Азербайджанской Республики согласно ст. 12.3 независимо от места совершения преступления предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности обвиняемых за преступления против мира и человечности, военные преступления, терроризм, финансирование терроризма, угон воздушного судна, захват заложников, пытки, незаконный оборот наркотических средств и т.д.

Вместе с тем, несмотря на стремление отдельных государств преследовать тяжкие международные преступления на основе универсальной юрисдикции, проблема национально-правовой имплементации подобного рода юрисдикционной компетенции остается важнейшим условием для реализации уголовной ответственности виновных. Как указывает Е. Пежич, в большинстве случаев требуется внутреннее законодательство по имплементации, поскольку суды соответствующего государства могут колебаться относительно применения универсальной юрисдикции, если это не предусмотрено в его законодательстве³¹. В качестве иллюстрации сказанному можно сослаться на случай с Хиссеном Хабре, против которого Окружным судом Дакара было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении пыток. Причем это был случай применения универсальной юрисдикции в африканской стране в связи с нарушениями прав человека. Однако Апелляционный суд определил, что сенегальский судебный орган не правомочен осуществлять юрисдикцию в отношении преступления, совершенного за пределами национальной территории, поскольку страной не были осуществлены в уголовном законодательстве соответствующие имплементационные меры. После того, как марте 2001 года Верховный суд подтвердил указанное решение, дело против Х. Хабре было прекращено³². Указанное дело является красноречивым свидетельством

³¹ Pejic E. Op. cit. P. 27.

³² См. об этом деле: *Kirgiz F.* The Indictment in Senegal of the Former Chad Head of State // <http://www.asil.org/insights/insigh41.htm>; *Brody R.* The Prosecution of Hissene Habré – An “African Pinochet” // *New England Law Review*. 2001. Vol. 35. № 2. P. 321-225; *Wible B.* “De Jeopardizing Justice”: Domestic Prosecutions for International Crimes and the Need for Transnational Convergence // *Denver Journal International Law and Policy*. 2002. Vol. 31.

того, насколько важны меры по имплементации универсальной юрисдикции на национальном уровне. Исключительная важность введения в уголовные законы принципа универсальности наряду с другими обстоятельствами обусловлена необходимостью реализации такой конвенционной максимы, как *aut dedere aut judicare* (либо выдай, либо суди)³³. Дело в том, что применительно к целому ряду международных преступлений современное договорное право предусматривает альтернативу для государства, на территории которого задержан предполагаемый преступник: он может быть выдан запрашиваемому государству, либо в случае отказа от экстрадиции государство пребывания само обязано осуществить уголовную юрисдикцию³⁴.

Получивший общее признание в международном праве принцип *aut dedere aut judicare* нашел свое подкрепление во многих международных договорах. Например, Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года (ст. 10) предусматривает, что государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, если оно не выдает это лицо, обязано без каких бы то ни было исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, без излишних задержек передать дело своим компетентным органам для судебного преследования путем проведения разбирательства в соответствии с законодательством этого государства.

Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятый Комиссией международного права ООН во втором

№ 2. P. 265-299; *Gaeta P. Rationae Materiae Immunities of Former Heads of State and International Crimes: The Hissene Habré Case* // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 1. P. 186-196; *Sharp D. Prosecutions, Development and Justice: The Trial of Hissene Habré* // Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 147-178; Marks S. "The Hissene Habré Case: the Law and Politics of Universal Jurisdiction", in *Universal Jurisdiction: National Courts and the Prosecution of Serious Crimes Under International Law* / ed. by Macedo S. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. P. 131-167.

³³ Обстоятельное исследование данного принципа см.: *Bassiouni C.M., Wise E.M. Aut Dedere Aut Judicare: the Duty to Extradite or Prosecute in International Law*. Dordrecht M. Nijhoff. 1995. См. также: *Plachta M. The Lockerbie Case: The Role of Security Council in Enforcing the Principle Aut Dedere Aut Judicare* // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. № 1. P. 125-140; *Rabbat P. Aut Dedere Aut Judicare: Constitutional Prohibitions on Extradition and the Statute of Rome* // Revue québécoise de droit international. 2002. Vol. 15.1. P. 179-204.

³⁴ *Enache-Brown C., Fried A. Universal Crime, Jurisdiction and Duty the Obligation of Aut Dedere Aut Judicare in International Law* // McGill Law Journal. 1998. Vol. 43. № 3. P. 613-633.

чтении, также исходит из признания принципа *aut dedere aut judicare*. В частности, ст. 9 Проекта кодекса предусматривает, что без ущерба юрисдикции международного уголовного суда государство-участник, на территории которого обнаружено лицо, подозреваемое в совершении преступлений, предусмотренных ст. 17, 18, 19 или 20 [геноцид, преступления против человечности, преступления против персонала ООН и ассоциированного с ней персонала, военные преступления. – *Добавлено нами*], выдает либо наказывает его.

Как указывает Э. Давид, «...обязательство пресекать военные преступления выступает в форме альтернативы *aut dedere aut judicare* или *aut prosequi*. В соответствии с этим обязательством любое государство должно разыскивать исполнителей военных преступлений или преступлений против человечности и привлекать их к уголовной ответственности за эти деяния, независимо от гражданства исполнителей преступлений и их жертв, а также места совершения деяний, либо выдавать исполнителей этих преступлений согласно праву государства, к которому обращено требование об экстрадиции, любой державе, требующей их выдачи в целях преследования. Таким образом, государство обязано осуществить... универсальную уголовную компетенцию в отношении исполнителя военного преступления или преступления против человечности либо... выдать его любому заинтересованному государству...»³⁵.

В правовой литературе справедливо отмечается, что система универсальной юрисдикции предполагает использование государствами внутренних механизмов для преследования преступников в соответствии с их внутренними уголовными законами (но не требует какого-либо конкретного наказания) или выдачу их другому государству для судебного преследования³⁶. Естественно, для того, чтобы строго придерживаться положений международного договора в случаях, когда государство не выдает преступника, оно должно иметь возможность установить над ним юрисдикцию согласно национальному законодательству, для чего необходимо предусмотреть универсальную юрисдикцию, создав практическую возможность для ее применения национальными судами. В принципе современное развитие, которое наблюдается во многих странах, подтверждает сказанное. В частности,

³⁵ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 577.

³⁶ Блищенко И.П., Фесенко И.В. Международный уголовный суд. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 169.

важнейшей тенденцией, характеризующей судебную практику, является стремление национальных судов к более широкому применению универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений. Эта тенденция наглядно проявляется в практике судебных органов Германии, Бельгии, Швейцарии, Испании и других стран.

Например, в Бельгии дело по обвинению руандийского гражданина в совершении на территории Руанды преступлений, квалифицируемых в соответствии с бельгийским Законом от 16 июня 1993 года как серьезные нарушения международного гуманитарного права, позволило различным судебным органам подтвердить, что суды Бельгии правомочны рассматривать деяния, расцениваемые данным законом преступными, даже если они совершены во время внутреннего конфликта за пределами территории страны и не затрагивают бельгийских граждан³⁷.

В деле *Nyontezé*, связанном с выдачей гражданина Руанды, Швейцария отказала в экстрадиции и сама осуществила уголовное преследование лица, которое было осуждено за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права. Кстати, это дело явилось первым для Швейцарии случаем применения на основании Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II к ним 1977 г. универсальной уголовной юрисдикции национальным судом в отношении лица, совершившего военные преступления в период внутреннего вооруженного конфликта³⁸.

Вместе с тем надо также иметь в виду, что универсальная юрисдикция – достаточно сложная материя, применение которой должно принимать во внимание ряд различных факторов юридического характера, соотносываться с обязательствами государств согласно международному праву.

Одной из наиболее важных и дискутируемых в связи с возможным применением универсальной юрисдикции является проблема присутствия лица на территории государства, которое притязает на пресле-

---

³⁷ *Graditzky T. Individual Criminal Responsibility for Violations of International Humanitarian Law Committed in Non-International Armed Conflicts // International Review of the Red Cross. 1998. № 322. P. 29-56; См. о применении бельгийскими судами универсальной уголовной юрисдикции: Reydam's L. Belgium's First Application of Universal Jurisdiction: the Butare Fourth Case // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 2. P. 428-436; Vandermeersch D. Prosecuting International Crimes in Belgium // Journal of International Criminal Justice. 2005. Vol. 3. P. 400-421.*

³⁸ См. об этом подробнее: *Reydam's L. Nyontezé vs. Public Prosecutor // American Journal of International Law. 2002. Vol. 96. № 1. P. 231-236.*

дование виновного. Является ли подобное присутствие обязательным условием для осуществления универсальной юрисдикции, либо отсутствие правонарушителя не препятствует его преследованию с учетом того, что он может предстать перед судом после выдачи?

На наш взгляд, присутствие лица на территории государства, преследующего правонарушителя, не является необходимой предпосылкой для осуществления универсальной юрисдикции. Признание обратного могло бы вообще лишить всякого смысла концепцию универсальной юрисдикции. Для подтверждения сказанного можно сослаться на уже упоминавшуюся нами ст. 3 Женевских конвенций, которая говорит о розыске и предании суду лиц, виновных в совершении серьезных нарушений норм международного гуманитарного права. При этом в данной статье никакого упоминания о присутствии виновного на территории государства – участника конвенций не содержится.

Однако подход, согласно которому для осуществления универсальной юрисдикции требуется присутствие правонарушителя на территории правоприменяющего государства, иногда оспаривается. Более того, утверждается, что осуществление подобного рода юрисдикции *in absentia* противоречит международному праву. В частности, подобная ситуация имела место в связи с проблемой преследования действующего министра иностранных дел Демократической Республики Конго (далее – ДРК) г-на Ндомбаси (*Mr. Yerodia Abdoulae Ndombasi*), в отношении которого бельгийским судьей Д. Вандермеершем был выдан ордер на арест и экстрадицию, основывающийся на положениях Закона Бельгии от 1993 г. «О пресечении серьезных нарушений международного гуманитарного права».

В ответ ДРК возбудила дело в Международном суде, заявив *inter alia*, что бельгийский ордер на арест и ст. 5 (3) вышеуказанного Закона, на котором он основывается, противоречат международному праву, поскольку предполагают отступление от дипломатического иммунитета министра иностранных дел суверенного государства. Кроме того, представители ДРК утверждали, что сама концепция универсальной юрисдикции предполагает присутствие обвиняемого на территории государства, осуществляющего преследование, а ее [юрисдикции] применение против министра иностранных дел противоречит международному праву. Мы не будем вдаваться во все юридические перипетии данного дела, поскольку это выходит за рамки настоящей рабо-

ты³⁹. Заметим только, что Международный суд тринадцатью голосами против трех определил, что выдача ордера на арест г-на Ндомбаси от 11 апреля 2000 года и его международное обращение представляет собой нарушение правового обязательства Королевства Бельгии перед ДРК, поскольку нарушает иммунитет от уголовной юрисдикции министра иностранных дел, предоставляемый согласно международному праву. Кроме того, десятью голосами против шести было принято решение об отмене ордера на арест и информировании об этом соответствующих властей.

Рассматривая вопрос о применении универсальной юрисдикции, судья *ad hoc* Международного суда Кристин ван ден Винджерт в своем особом мнении по делу *Congo vs. Belgium* указала, что термин «универсальная юрисдикция» не обязательно означает необходимость присутствия подозреваемого на территории государства, которое осуществляет его преследование. Предположение о присутствии лица, как это делается со стороны некоторых авторов, не обязательно означает, что это представляет собой правовое требование. Термин может быть нечетким, и именно по этой причине следует воздержаться от того, чтобы сделать скорые выводы. Латинские максимы, которые иногда используются и которые, кажется, предлагают, что преступник должен присутствовать (*judex deprehensionis – ubi te invenero ibi te judicado*), не имеют какой-либо юридической значимости и не обязательно совпадают с универсальной юрисдикцией. Далее ван ден Винджерт подчеркнула, что не существует нормы международного договорного права (*conventional international law*), запрещающего универсальную юрис-

---

³⁹ Об этом деле см. подробнее: International Court of Justice: Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo vs. Belgium) // International Law Forum. Vol. 3. № 1. 2001. P. 7-8; *Jennings R.* Jurisdiction and Immunity in the ICJ Decision in the *Yerodia Case* // International Law Forum. Vol. 4. № 3. 2002. P. 99-103; *Boister N.* The ICJ in the Belgian Arrest Warrant Case: Arresting the Development of International Criminal Law // Journal of Conflict and Security Law. 2002. Vol. 7. № 2. P. 293-314; *Yang X.* Immunity for International Crimes: A Reaffirmation of Traditional Doctrine // The Cambridge Law Journal. 2002. Vol. 61. P. 239-294; *Wiskremasinghe C.* Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo vs. Belgium), Preliminary Objections and Merits, Judgment of 14 February 2002 // International and Comparative Law Quarterly. 2003. Vol. 52. № 3. P. 775-781; *Winants A.* The Yerodia Ruling of the International Court of Justice and the 1993/1999 Belgian Law on Universal Jurisdiction // Leiden Journal of International Law. 2003. Vol. 16. № 3. P. 491-509; *Zuppi A-L.* Immunity v. Universal Jurisdiction the Yerodia Ndombasi Decision of the International Court of Justice // Louisiana Law Review. 2003. Vol. 63. № 2. P. 309-339.

дикцию *in absentia*. Наиболее важной юридической основой в случае универсальной юрисдикции за военные преступления является ст. 146 IV Женевской конвенции 1949 г., которая устанавливает принцип *aut dedere aut judicare*. Текстуальное толкование данной статьи логически не предполагает присутствия преступника, как это пытается показать Конго. Аргументация Конго интересна с доктринальной точки зрения, но логически не вытекает из данного текста. Для военных преступлений Женевские конвенции 1949 г., которые ратифицированы почти всеми государствами и могли бы рассматриваться как содержащие более чем договорные обязательства благодаря очень широкому принятию, не требуют присутствия подозреваемого... Цель этих Конвенций, очевидно, не состоит в том, чтобы ограничить юрисдикцию государств за преступления по международному праву.

По этому поводу нет также норм обычного международного права. Конго полагает, что существует практика государств как доказательство *opinio juris*, утверждая, что универсальная юрисдикция, *per se*, требует присутствия преступника на территории преследующего государства. Многие национальные системы, осуществляя обязательства *aut dedere aut judicare* или Римский статут Международного уголовного суда в действительности требуют присутствия преступника. Это видно из законодательства и ряда национальных судебных решений, включая датское решение по делу *Saric*, французское решение по делу *Javor*, немецкое *Jorgic Case*. Однако есть также примеры тех стран, которые не требуют присутствия преступника на территории преследующего государства. Правительства и национальные суды в одном и том же государстве могут иметь различные мнения по одному и тому же вопросу, что делает даже более сложным признание наличия *opinio juris* в этом государстве.

По мнению ван ден Винджерт, ни договорное, ни международное обычное право либо юридическая доктрина не поддерживают утверждение о том, что универсальная юрисдикция может быть применена лишь в том случае, когда обвиняемый находится на территории государства, осуществляющего преследование.

Значительный интерес в контексте рассматриваемой нами проблематики представляет и та часть особого мнения, в которой автор касается максимы *aut dedere aut judicare*. Как известно, для некоторых международных конвенций характерна формула, согласно которой государство, на территории которого находится правонарушитель, в случае

отказа от выдачи осуществляет его преследование и наказание. В частности, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 года предусматривает, что договаривающееся государство, на территории которого оказывается предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано, без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования. Подобную норму предусматривает и Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (ст. 10). В этой связи ван ден Винджерт считает, что указанное не означает, что преследование в подобных случаях возможно лишь в ситуации, когда имеет место отказ от экстрадиции. Мы разделяем подход автора, поскольку сама возможность преследования лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении международных преступлений, ни в коей мере не зависит от принятого решения по вопросу о выдаче. Экстрадиция по делам о подобных преступлениях служит тем инструментом, посредством которого заинтересованное государство стремится обеспечить присутствие правонарушителя перед компетентными органами. Однако отказ от выдачи отнюдь не означает, что лицо, к примеру совершившее такое деяние, как захват воздушного судна, останется безнаказанным. В подобной ситуации государство – участник Конвенции 1970 г. может само привлечь виновного к уголовной ответственности, осудить в соответствии с национальным законодательством. Более того, государство, на территории которого находится предполагаемый правонарушитель, может осуществить юрисдикцию, не дожидаясь запроса о выдаче со стороны какого-либо государства, интересы либо граждане которого пострадали от преступления.

Применительно к проблеме присутствия обвиняемого как условия для применения универсальной юрисдикции нам представляется важным прояснить отдельные юридические моменты.

Как свидетельствует анализ всего массива международных договоров по борьбе с преступностью, жесткого требования о наличии лица на территории государства, применяющего данный тип юрисдикции, не имеется, хотя и некоторые договоры содержат упоминание об этом. Например, согласно ст. 3 (2) Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, и в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 года, каждое государство принимает необходимые меры для установления

своей юрисдикции над этими преступлениями в случае, если предполагаемый преступник находится на его территории и оно не выдает его запрашивающему государству. Подобные нормы предусматривают Конвенция о борьбе с захватом заложников (ст. 5 (2)), Конвенция о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 года (ст. 8 (3)) и др. Однако нельзя не принимать во внимание, что даже указанные Конвенции, содержащие упоминание о присутствии обвиняемого, не исключают любой уголовной юрисдикции, осуществляемой в соответствии с национальным законодательством. Что же касается последнего, то, как уже указывалось, подавляющее большинство государств предусматривают согласно национальным законам возможность применения универсальной юрисдикции в отношении определенной категории преступлений, подрывающих основы международного правопорядка и причиняющих ущерб интересам международного сообщества в целом. При этом в одних случаях национальные законы предполагают присутствие обвиняемого, в других допускают универсальную юрисдикцию *in absentia*.

В этой связи представляется целесообразным разграничивать *виды универсальной юрисдикции*, причем основным критерием подобного разграничения может быть *факт присутствия обвиняемого* на территории государства, которое осуществляет преследование правонарушителя. В зависимости от указанного обстоятельства следует различать *абсолютную универсальную юрисдикцию* либо юрисдикцию *in absentia*, осуществление которой может быть начато без наличия лица на территории преследующего государства (которое может быть подвергнуто процедуре экстрадиции), и *ограниченную либо условную универсальную юрисдикцию*, осуществление которой возможно лишь в случае нахождения лица на территории правоприменяющего государства. Подобного рода категоризация универсальной юрисдикции находит поддержку в теории международного уголовного права⁴⁰ и практически отражена в национальных законодательных актах.

Например, уголовное законодательство Австрии предусматривает возможность применения обоих видов универсальной юрисдикции:

⁴⁰См. об этом: *Cassese A. International Criminal Law*. P. 285-291; *El Zeidy M. Universal Jurisdiction in Absentia is it a Legal Valid Option for Repressing heinous Crimes? // The International Lawyer*. 2003. Vol. 37. № 3. P. 835-861. *Poels A. Universal Jurisdiction in absentia // Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2005. Vol. 23. № 1. P. 65-84; *Rabinovitch R. Universal Jurisdiction in absentia // Fordham International Law Journal*. 2005. Vol. 28. № 2. P. 500-530.

абсолютной – в отношении преступных деяний, которые Австрия обязалась преследовать в уголовно-правовом порядке независимо от уголовных законов места совершения преступления (§ 64 (6)); *условной* – в отношении отдельных преступлений. Например, согласно § 64 (5) австрийского УК, независимо от уголовного закона места совершения преступления он применяется к совершенному за границей воздушно-му пиратству, если лицо, совершившее деяние, задерживается в Австрии и не может быть выдано⁴¹.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики предусматривает абсолютную универсальную юрисдикцию, согласно которой допускается преследование преступлений против человечности, военных преступлений, терроризма, пиратства, посягательства на лиц либо организации, пользующиеся международной защитой, преступлений, связанных с радиоактивными материалами, независимо от места совершения преступления (ст. 12.3). При этом не устанавливается никакого условия о необходимости присутствия обвиняемого на территории Азербайджана.

В отличие от упомянутых нами выше стран, уголовное законодательство Швейцарии (ст. 6 bis УК) предусматривает, что за совершение преступления, которое должно преследоваться в соответствии с международными соглашениями, правонарушитель подлежит ответственности, если он *находится на территории страны* и не выдается за границу. Иными словами, применение универсальной юрисдикции *in absentia* согласно швейцарскому законодательству не предусматривается.

Таким образом, единого подхода к вопросу о необходимости присутствия обвиняемого как условия для применения универсальной юрисдикции согласно национальному законодательству не имеется. Конечно, если обвиняемый находится на территории правоприменяющего государства, это значительно облегчает его уголовное преследование. Если же лицо находится за пределами государства, намеревающегося привлечь его к ответственности на основе принципа универсальности, то его присутствие может быть обеспечено с помощью экстрадиции, и в этом проявляется тесная взаимосвязь данного типа юрисдикции с выдачей, осуществление которой является необходимой предпосылкой для уголовного преследования лица. Без задействования экстрадиционных механизмов трудно даже представить себе осуществление универсальной юрисдикции в отношении лица, нахо-

---

⁴¹ Уголовный кодекс Австрии. М.: Зерцало, 2001. С. 38-39.

дящегося за пределами территории заинтересованного (в уголовном преследовании лица) государства. Учитывая, что применение универсальной юрисдикции является чрезвычайно важным и желательным в отношении целого ряда опасных международных преступлений, а также то обстоятельство, что преследование указанных деяний национальными органами уголовной юстиции способно предотвратить перегрузку системы международного уголовного правосудия (в частности, МУС), функционирующего на основе принципа дополнительности, мы вместе с тем не можем не отметить, что все это не исключает необходимости формирования четкого механизма применения рассматриваемого вида юрисдикции.

Осуществление универсальной юрисдикции не может происходить в отрыве от международных обязательств государств, принятых согласно действующим международным договорам, поскольку не лимитированное никакими правовыми препятствиями применение юрисдикции отдельных государств может подвергнуть серьезным испытаниям сложившуюся в течение столетий систему международных отношений. В частности, это относится к проблеме иммунитета, которая и явилась предметом острейшего диспута в упоминавшемся нами деле *Congo vs. Belgium*. С другой стороны, национальное законодательство должно предусматривать гибкие юридические механизмы, которые препятствовали бы принятию произвольного и юридически не в полной мере обоснованного решения о распространении универсальной юрисдикции на преступления, имевшие место за границей. Подобное понимание все в большей мере проявляется в законодательстве целого ряда государств. Не случайно вскоре после процесса по делу министра иностранных дел Конго г-на Ндомбаси Бельгия внесла изменения в национальные законодательные акты (в частности, в УПК), которые подтвердили незыблемость иммунитетов глав государств, министров иностранных дел. Согласно Закону от 5 августа 2003 года, в главу 1 вводного раздела Уголовно-процессуального кодекса Бельгии была включена ст. 1 bis, параграф 1 которой предусматривает, что в соответствии с международным правом судебному преследованию не подвергаются:

– главы государств, главы правительств и министры иностранных дел других государств в период исполнения ими своих обязанностей, а также другие лица, пользующиеся иммунитетом на основании международного права;

– лица, обладающие иммунитетом (полным или частичным), предоставляемым им международным договором Бельгии.

Следует также учесть, что согласно параграфу 2 указанной статьи было установлено, что, как требует международное право, никакие принудительные действия, связанные с осуществлением судебного преследования, не могут предприниматься в отношении любого лица, официально приглашенного в Королевство бельгийскими властями или международной организацией, штаб-квартира которой находится в Бельгии и с которой у Королевства имеется соглашение о статусе и деятельности этой организации. Это требование распространяется на весь период пребывания таких лиц в стране⁴². Кроме того, в связи с принятием Закона от 5 августа 2003 года Закон «О пресечении серьезных нарушений международного гуманитарного права» утратил силу, и все вопросы, связанные с применением универсальной юрисдикции в отношении таких деяний, как геноцид, военные преступления, преступления против человечности, были перенесены в сферу действия Уголовного кодекса Бельгии.

Подобного рода ограничения универсальной юрисдикции представляются немаловажными и позволяют обеспечить надлежащее функционирование международного правового порядка, исключая возможные конфликты норм национального права с международными обязательствами государств.

Под данным углом зрения следует оценивать и механизм универсальной юрисдикции, который содержит германское законодательство. Учитывая вероятность возникновения проблем с применением абсолютной универсальной юрисдикции в отношении деяний, совершенных за пределами Германии, стремясь, с одной стороны, не допускать перегрузки германской судебной системы, а с другой стороны, исходя из безусловного признания того обстоятельства, что такие международные преступления, как геноцид, преступления против человечности и военные преступления, должны преследоваться в соответствии с принципом территориальной уголовной юрисдикции либо компетентным международным трибуналом, немецкий законодатель предусмотрел

⁴² См. об этом: *Reydams L. Belgium Reneges on Universality: The 5 August 2003 Act on Grave Breaches on International Humanitarian Law // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. № 3. P. 679-689; Smis S., Van Der Borgh. Belgian Law Concerning The Punishment of Grave Breaches of International Humanitarian Law: A Contested Law with Uncontested Objectives [WWW – документ] // ASIL Insights [WWW – сайт]: URL: <http://www.asil.org/insights/insigh112.htm>.*

рел некоторые правовые ограничения принципа универсальности. В частности, согласно § 153 (f) УПК Германии, прокуратура вправе отказаться от преследования преступления, предусмотренного §§ 6-14 Кодекса преступлений против международного права, если обвиняемый не находится на территории страны и его прибытия не ожидается. Кроме того, прокуратура вправе отказаться от преследования преступления, наказуемого в соответствии с §§ 6-14 Кодекса, в частности в случаях, предусмотренных подпунктами 1 и 2 пункта 1 § 153 (c) УПК Германии, если нет оснований полагать, что: 1) преступление совершено немцем; 2) деяние не было совершено в отношении немца; 3) лицо, подозреваемое в совершении преступления, не находится на территории страны и его прибытия не ожидается; 4) преступление преследуется в международном суде или государством, на территории которого оно было совершено, либо граждан которого обвиняется в совершении этого преступления, либо гражданину которого преступлением был причинен ущерб. Отказ от преследования может также иметь место в случаях, когда обвиняемый за преступление, предусмотренное §§ 6-14 и совершенное за границей, является немцем и предполагается его передача международному суду⁴³ либо выдача преследующему государству.

Таким образом, как показывает нормативное развитие, имеющее место в последнее время в ряде государств, определенные ограничения универсальной юрисдикции не только возможны, но и желательны для того, чтобы отдельные национальные юрисдикции не подменяли собой систему международного уголовного правосудия, представленную международными уголовными трибуналами. С другой стороны, абсолютная универсальная юрисдикция при ее перманентном приме-

⁴³ О процедуре передачи обвиняемых международным уголовным трибуналам см. подробнее: *Gallant K. "Securing the Presence of Defendants before the International Tribunal for the Former Yugoslavia: Breaking with Extradition"*, in *The Prosecution of International Crimes: A Critical Study of the International Tribunal for the Former Yugoslavia / Ed. by Clark S. and Sann M.* Transaction Publishers, London. 1996; *Knoops A. Surrendering to International Criminal Courts: Contemporary Practice and Procedures.* New York. Transnational Publishers. 2002; *Swart B. "Arrest and Surrender"*, in *The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Eds. A. Cassese, P. Gaeta, John R. W. D. Jones.* Oxford: Oxford University Press. 2002. Vol. II; *Yang S. Surrendering the Accused to the International Criminal Court // British Yearbook of International Law.* Vol. 71. 2000; *Сафаров Н. Передача лиц Международному уголовному суду и институт экстрадиции: трудный компромисс // Московский журнал международного права.* 2003. № 2.

нении способна привести к существенной перегрузке национальной судебной системы, стимулируя заинтересованных лиц к возбуждению уголовных дел в отдельных государствах. Соблюдение определенного баланса между системами национального уголовного правосудия, применяющими универсальную уголовную юрисдикцию, и международной уголовной юстицией, действующей от имени международного сообщества, – важное условие эффективного преследования и наказания лиц, виновных в совершении тяжких международных преступлений⁴⁴.

---

⁴⁴См. об этом, в частности: *International Crimes, Peace and Human Rights: The Role of the International Criminal Court / Ed. by Shelton D.* Transnational Publishers. New York. 2000; *Broomhall B.* International Justice and the International Criminal Court: Between Sovereignty and the Rule of Law. Oxford: Oxford University Press, 2003.